ЧИСЛО 11. Львовъ 26. Марта 1857. РОКЪ X.

Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣсяцъ 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА.

Предплату отбирае въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского М. Дзѣковскій.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ, ЗАБАВѢ И ГОСПОДАРСТВУ

КЪ ДРУГАМЪ

Помну, якъ съ вами я други мои
Неразъ вечернею порою
Велъ розговоръ о былой старинѣ;
И свѣтлый образъ предъ душею
Являлся намъ. Якъ странникъ надъ родною
Розвалиною минувшихъ дней
Воспоминанья воскресивъ, одною
Лишь памятью живетъ съ ней,
Такъ мы. Но и въ упадшомъ есть свое
Величіе. Кто силу ту открылъ,
Которою разитъ оно
Сродну душу? иль ктоже настроилъ
Въ созвуки дивныи чувство? —
Лишь вы други, лишь вы однѣ
Вы понимаете созвуки тѣ.

Гушалевичъ.

ПОСЛѢДНОЕ СРЕДСТВО

II. СМЕРТЬ ВЪ СПАДЩИНѢ.

(продолженіе)

Господинъ Фалкъ съ вниманіемъ слухалъ повѣствованіе графини, не прерикаючи ей ни слова. Когда окончила, задумался долго, и вопросилъ напослѣдъ:

„Сколько лѣтъ имѣетъ сынъ Госпожи въ сю минуту?"

„Двадцатъ два и нѣсколько мѣсяцовъ" — отвѣтила графиня.

„Въ послѣдныхъ же лѣтахъ не замѣтила Госпожа въ немъ нїякихъ слѣдовъ оной хоробы, которой жертвою сталъ его отецъ?"

„Нїякихъ. Малымъ еще хлопцемъ былъ онъ со всемъ здоровъ и силенъ въ томъ взглядѣ. Въ послѣдномъ времени имѣла я того явныи доказательства. И такъ на примѣръ во время нашой проѣздки въ горы драпался онъ съ рѣдкою проворностїю на найвысшіи скалы. Ставши на хребтѣ оной забывалъ понурыи свои мысли, и думно вокругъ себе погладалъ. Но скоро стрѣтилось его око съ моимъ, сей часъ преображалось его лице и горкимъ усмѣхомъ отвѣчалъ на слезу радости въ моихъ зрѣницахъ. И когда нигдь заблеститъ якая надежда въ моемъ сердцю, удушаетъ ю одно слово, одинъ погладъ, въ которомъ отбивается снова той понурый зловѣщій образъ предрозсудка или убѣжденія.

„Нещастная мати!" мимовольно изрекъ полголосомъ взволнованый лѣкарь.

„О такъ" воскликнула графиня трепещущимъ голосомъ — „нещастна, стократъ нещастная изъ всѣхъ матерей. Все, що инымъ къ щастью и увеселенію служитъ, есть мнѣ источникомъ терпѣній и смутка."

„Каждое позрѣніе на единого сына дополняетъ менѣ мѣру жестокихъ терпѣній

рыми природа его гойно выпосажила. Тое чувство есть далеко красшимъ предводителемъ въ собственныхъ его обовязкахъ, нижели всѣ нашіи теоріи. Оттуда далеко больше женщинъ яко женщинъ есть досконалыхъ нижели мужчинъ. Женщинамъ любовь въ цѣломъ значенію того слова, любовь материнская, розтягающаяся на все що жіетъ и страждетъ. надаетъ штуку приправитися, проницательность, сердечное сочувствіе, тактъ врожденный, терпѣливость и присутствіе, словомъ всѣ ознаки прислужающіи ихъ природѣ и званію. Добродѣтели женщинъ суть краснїи; мужчинъ величественнїи. Отъ злого, говоритъ Кантъ, оубѣгаютъ частѣйше женщины про тое, що есть огиднымъ нижели що есть несправедливымъ, и доброе для того борше любятъ, що есть краснымъ.

Оттуда головною добродѣтелію мужчинъ есть справедливость а женщинъ милосердіє. Природною есть рѣчею, що женщины не всегда хотятъ понимати тую добродѣтель въ смыслѣ мужчинъ, котора съ строгими и оужасными законами природы часто имѣетъ связь. Мужескїй оумыслъ велитъ глядѣти на загальное добро, съ пожертвованїемъ поединокихъ лицъ; сердце женщинъ нуждается только о особенность. Мужчина глядитъ въ далекую будущность, женщина въ теперѣшность. Не льзя домагатися отъ ней, щобы ю съ рокнымъ занятїемъ обходило далекое добро загальное. Не льзя именовати тое егоизмомъ, копреки есть то пожертвованїе тихое, героическое по героичеству женщины; ибо она приноситъ жертву въ особенности такъ, якъ мужчина въ обще долженъ ею приносити. А зъ того спора происходятъ купно величественнїи и краснїи добродѣтели товаришескїи; происходитъ спасительная заботливость о благо загальное и особенное. Они послѣдуютъ природѣ въ томъ, що видятъ въ ней матерное, то есть ей покровительство и заботливость для найменшого сотворенїя; мы послѣдуемъ ей больше въ ей неумолимыхъ засадахъ, то есть въ пожертвованїю особенности для высшихъ цѣлей.

Второю добродѣтелїю первого пола есть мужество; второго терпѣливость. Перва есть величественною а втора красною. Мужчина долженъ боротись со зломъ, женщина сносити. Тому природа до мужества придала огонь отваги, котора глухимъ его дѣлаетъ на болѣзнь; имъ дала доброчинныи слезы, съ которыми тая болѣзнь таинственно оуплываетъ. Зналъ про тое человѣческую природу пророкъ когда говоритъ: „Пойдите плакати дѣвицы! на пепелъ Їерусалима, а вы сынове борствуйте за славу Господню!“

Далѣй, чувство чести, которое здоровыми засадами ведене стается величественнымъ, такъ кладѣетъ мужемъ, якъ стыдливость женщиною. Тая стыдливость такъ есть окрасою красоты, якъ честь благородной отваги. И истинно честь есть только стыдливостїю мужей, якъ стыдливость честїю женщинъ; однакожъ, сей полагаетъ больше на дѣланїе, тая на захованїюся. Въ созвучїю тыхъ двохъ чувствъ, которїи въ образованномъ народѣ становлятся одною рѣчею, полагается благородность и прїятность домового и общого пожитїя.

Наконецъ одною съ благороднѣйшихъ власностей, котораа красоту прїукрашаетъ, есть скромность; сей родъ простоты, съ чувствомъ собственной благородности совокупленый. Съ подъ ей чаровательной заслоны оуказуется привлекающая добро-

дый графъ пережилъ годъ двадцатъ четвертый, не постигнꙋтый до той степени шкодливыми влїянїями своего предразсꙋжденїя, который познѣйше нїякимъ способомъ не можна бы отъ него отвратити. Когда переминетъ оуже сїе злополꙋчное время, которое его такимъ оужасомъ исполнило, тогда пересвѣдчится онъ якъ мильнымъ и безразсꙋднымъ были его мечтанїя. Каждый мѣсяцъ дальшой его жизни принесетъ емꙋ большое оубезпеченїе и сꙋпокой, а тое только можетъ его совсемъ исцѣлити. Лице его мало по малꙋ розяснится, око станетъ веселъшимъ, оуста отжїютъ оусмѣхомъ а первого лꙋчшого ранка оцкнется изъ сна совсемъ исцѣленый дꙋхомъ и тѣломъ."

„Але якимъ же способомъ осягнꙋти сїю благополꙋчнꙋю цѣль?" вопросила графиня съ сложеными рꙋками и благающимъ возрѣнїемъ якъбы промовляла до якого надземного естества.

„Ахъ Гжо графине!" — отвѣтилъ лѣкарь — „когда бы я былъ шарлатаномъ; выстꙋпилъ бы я безъ всякого розмышленїя съ якими десятью опытнѣйшими средствами, но я есмь только лѣкаремъ, що помимо злостливости многихъ не всегда есть одно и тое самое. Для того не могꙋ ничего больше сдѣлати, якъ только повторити радꙋ моихъ предшественниковъ. Конечно нꙋжно развлекати оумыслъ Артꙋра, бꙋдь то подаючи емꙋ якꙋю роботꙋ, котора бы его занимала, или возбꙋждати въ немъ чꙋвства къ благороднымъ дѣланїямъ. Словомъ треба конечно дати емꙋ якое занятїе, абы сїе осьмнадцатъ мѣсячное продолженїе времени предъ достигненїемъ двадцатъ четвертого года безопасно переминꙋло."

„Оуже я сказала Господинꙋ прежде, що оупотребляла всѣхъ тыхъ средствъ къ сей цѣли;" — возразила графиня съ заломаными рꙋками — „Артꙋръ любилъ пꙋтешествовати, посѣтилъ въ минꙋвшомъ годѣ Италїю, Швайцарїю, Францїю и Гишпанїю. Но на дармо были мои старанїя розвлечи его хворотливꙋю выобразню. Хотяй его коли и занялъ видъ прекрасный, но сїе занятїе такъ коротенько тревало, що подъ тымъ взглядомъ не можно было собѣ наименьшой надежды обѣщати. Во преки, по каждомъ такомъ впечатлѣнїю слѣдовали сей часъ хвили неохоты, горячковой нетерпѣливости и понꙋрого розположенїя, якъ бы нещастный юноша сердился на свѣтъ и природꙋ, що они такъ краснїи а онъ недꙋженъ.

„А наꙋки? искꙋства? оувеселенїя высокого свѣта?" — вопросилъ лѣкарь.

„Ахъ, и въ томъ взглядѣ даремны были мои старанїя" — смꙋтно отвѣтила Гжа Дрꙋжевска. — „Часомъ казалось, що среди гꙋчной забавы забывалъ о своемъ предрозсꙋдкꙋ, и поддаючись влїянїю окрꙋжающой атмосферы, ставался веселымъ, многомовнымъ и охочимъ. Но нѣсколько хвиль познѣйше не было его оуже въ крꙋзѣ товаришескомъ. Находила я его въ найотдаленнѣйшомъ кꙋтикꙋ залы. Сидѣлъ оуединенный, понꙋрый и нетерпѣливый съ горкимъ оусмѣхомъ на оустахъ и майже подобающїй на съꙋмашедшого. Когда приблизилась къ немꙋ, онъ напрасно поднялся изъ мѣстца и сказалъ полголосомъ: „Отходѣмъ съ оттꙋда, бо дꙋшно". . . Давнѣйше искренный любитель наꙋкъ, теперь отвращается съ негодованїемъ: „Нѣтъ оуже времени наꙋчитись всего полезного, лꙋчше про тое оуже ничего не оучитись" — отвѣчаетъ однозꙋчно на всѣ мои зао-

хочеванія. Я старалась возбудити въ немъ любовь къ музыцѣ; но котще. Во преки, казалось, що музыка еще тѣмъ больше помножала и подкрѣпляла его хоробу и смутокъ. Для того якъ найборше оторвала его отъ ней, а хотѣла возбудити въ немъ чувство къ поезіи. Думаете ли Господине, що я осягнула тымъ благополучный хосенъ? Прочитавши въ короткомъ времени самыи лучшіи сочиненія, заглубился наконецъ въ такихъ книжкахъ, которыи отвѣчали его нещастному положенію, которыи плынными и звучными словами оукрашали тіи мысли и чувства, якіи его безъпрестанно мучили."

„Въ продолженію же того времени не зазналъ сынъ Госпожи ніякого сильнѣйшого чувства якъ на примѣръ дружевства или любви?"..

„О нѣтъ, нѣтъ" — отвѣтила живо Гжа Дружевска — „не имѣлъ до того ани способности ани предмета."

Ино що Графиня послѣдныи слова вымовила, отворились съ легонька двери, а въ порозѣ оуказалась хорошая Марина. Думаючи, що оуже давно совѣтованіе окончилось, пришла сказати Госпожѣ графинѣ „Добрый день!" Окрыта легкимъ руманцемъ здавалась Марина въ той хвили такою красною и чаровательною, що якая то дивная мысль завладѣла въ одномъ и томъ самомъ времени лѣкаремъ и графинею. И хотя оувѣщеніе было столько мглистое и оулетающое, однако обое оужаснулись, но оужасъ той происходилъ оу графини зъ надежды, оу лѣкаря зъ обавы.

Чи напрасный видъ надобной Марины сенѣющой цѣлымъ блескомъ красоты и молодости, прибывающой якобы на отвѣтъ на послѣдныи слова графини, озарилъ ю лучами надежды, що Артуръ найдетъ наконецъ способность до сильнѣйшого чувства и занятія, которое его исцѣлити и до житья привести возможетъ.

А проницательный лѣкарь имѣлъ бы тогда оуже отгадати истинное значеніе той напрасной надежды нещастной матери, имѣлъ же бы тогда оуже предвидѣти, що тое, що Артура могло бы нимъ исцѣлити, могло бы купно и его дочку погубити?

Трудно на тое отвѣтити. Не зайшло ніякое обстоятельство въ ежедномъ пожитію обытателей двора, жадная отмѣна ихъ отношеній до себе. Госпожа Дружевска оказывалась вправдѣ дуже пріятною для красной Марины, але щожъ въ томъ дивного? Возможно ли было не поддатись чародѣйной оуродѣ, котора всѣхъ тую дѣвицу окружающихъ такъ борзо плѣняла? Возможно ли было особенно графинѣ, котора была такъ добра и ласкава для всѣхъ? Якъ же инакше имѣла обходитись съ дѣвою, которой красота и пріязнь кождому щастіе и успокой предвѣщали, а которой отецъ работалъ надъ исцѣленіемъ нещастного Артура.

Марина оказывала особенное поважаніе и привязанность къ графинѣ, а возможно ли было чего иного надѣятись по томъ благодарномъ сердцю? Марина не сокрывала также глубокого сочувствія къ Артуру; но который же нещастный видѣлъ ю коли обоятною на свои терпѣнія! Чія недоля найшла ю студенною и нечувственною? Молода дѣва оузнала оуже въ первыхъ днахъ своего пребыванія въ дворѣ борыньскомъ, що жизни Артура угрожаетъ строгая опасность, що онъ въ тяжкой смутѣ проживаетъ; почувствовала къ нему мимовольно якіи

то дивный потѧгъ, ѧкѹю то ревнѹю симпатїю, ѧкѹю то всѣ избранныи невѣсти природы чѹвствѹютъ къ терпѧщимъ и нещастнымъ. Однако Артѹръ не здавалсѧ совсемъ поделѧти тїи самїи сочѹвствїѧ. Во преки въ цѣломъ обхожденїю оказывалось ѧкое то стѹденое отвращенїе отъ молодой дѣвы, котора такъ живо помиловала его сѹмное положенїе. Лѣкарь проницательнымъ окомъ замѣтилъ тѹю обоѧтность, а правдѹ сказавши оурадовалсѧ нею вельми. Всегда бо отцевское его сердце ѧкаѧ то неизвѣстнаѧ мимовольна обава мѹчила, отъ которой теперѣшное спостереженїе совсемъ его исцѣлило. Оставлѧлъ теперь спокойно дочкѹ свою въ товаришествѣ графини а самъ ежедневно дѣлалъ прогѹльки въ окрестности, искаючи рослинъ, и посѣщаючи слабыхъ, за которыми въ поблизкихъ селахъ самъ вывѣдовалсѧ и исцѣлѧлъ. Такимъ способомъ Марина оставалась всегда при графинѣ, а дивное чѹвство раждалось тогда въ больномъ сердцю Госпожи Дрѹжевской.

Видѧчи такъ часто Маринѹ и Артѹра побочь себе, графинѧ що разъ больше освоивалась съ ѧкою то темною надеждою, которѹ даже сама предъ собою можетъ быти не льзѧ ей было изъѧвити. Многократно позрѣла на красное лице Марины, розѧснѣлось поволе ей око, въ ей сердце ѧкаѧ то благаѧ отѹха встѹпила и казалось тогда, що ѧкїй то невидимый голосъ шепчетъ матери въ оухо: „Се твоѧ искѹпительница, се дѹхъ опекѹнчїй твоего сына." И ѧкаѧ то непонѧтнаѧ приказанность къ Маринѣ возбѹждалась въ сердцю графини, а чѣмъ больше испытывала тое чѹвство, тѣмъ меньше находила оно розличнымъ отъ того, которое имѣла въ сердцю длѧ сына.

Но жадное внѣшное обстоѧтельство не здавалось подкрѣплѧти надеждѹ графини. Вопреки всѣмъ старанїѧмъ лѣкарѧ, вопреки розличнымъ подаванымъ средствамъ не оулѹчшалосѧ въ ничѣмъ нещастное состоѧнїе Артѹра. Казалось даже, що черты его лица съ кождымъ днемъ приберали грознѣйшїй характеръ. Щоразъ больше обѧвлѧласѧ въ его позрѣнїю таѧ болестнаѧ резигнацїѧ, тое смѹтное подданїе сѹдьбѣ, которое мы съ начала въ немъ замѣтили. Натомѣсть отчаѧнность закладѣла нимъ и привалила его совсемъ въ грѹстномъ его положенїю. Только стѹденое постѹпованїе къ Маринѣ не змѣнилось въ ничѣмъ, всегда заровно оказывалсѧ онъ длѧ ней непристѹпнымъ ѧкъ въ первыхъ днѧхъ ей прїѣзда. И тое то болѣло горестно молодѹю дѣвицю. Веселый оусмѣхъ не игралъ такъ часто на ей розкошныхъ оустахъ, свѣжое лице окрыла блѣдость воскова а око и чело притьмились ѧкими то горестными дѹмками. Имѣлаж бы она любити нещастного юношѹ? ктожъ возможетъ отвѣтити на сей вопросъ? Въ сердцю женщины заходитъ такъ ѹзкїй предѣлъ, такъ незначнаѧ граница междѹ простымъ сочѹвствїемъ а истинною любовїю, що нельзѧ означити времѧ, въ которомъ затираетсѧ таѧ линїѧ демаркацїйнаѧ, а заледво тлѣющое огнище выбѹхаетъ въ ѧснѹю поломень. (п. с.)

Красота и величественность

(продолженїе)

Мѹжчина долженъ жити и дѣлати по засадамъ, которыхъ долгою працею, борбою, и досвѣдомъ доходитъ вторый полъ мыслитъ и дѣлаетъ по чѹвствамъ, кото-

А до того нѣтъ ни одного сокрытого мѣстца въ сердцю Артȣра, которое бы мнѣ не было извѣстнымъ, нѣтъ ни одной мысли въ моей дȣшѣ, которой бы онъ не отгадалъ. И тая то взаимная знаемость нашихъ совокȣпныхъ терпѣнїй довершаетъ нашъ смȣтокъ. Дармо стараемся одно дрȣгого ошȣкати. Онъ оудаетъ часто молодецкȣю веселость и свободȣ, я сȣпокой и оудовольствїе; но прежде еще злȣдный смѣхъ затрется на нашихъ оустахъ, оуже слезы въ очахъ заблиснȣтъ. . . . .

Голосный плачь прекратилъ дальшое повѣствованїе. Оумолкла, закрываючи хȣсткою орошенное слезами лице.

Лѣкарь междȣ тѣмъ ободрился съ своего прежного глȣбокого взволнованїя и когда графиня оуспокоилась, вопросилъ ю:

„Чи Гжа графиня кормила сама своего сына?"

„А такъ, не инакше" — отвѣтила графиня съ дȣмною повагою материнскою.

Лѣкарь на хвилю задȣмался.

„Не хотѣлъ бы я Госпожȣ постоянно оудостовѣрити," сказалъ лѣкарь прерываючи свое задȣманье — „абы позже тѣмъ болестнѣйшого не сдѣлати розчарованїя; однакожь о сколько можно вѣрити наȣцѣ найменьше до сихъ временъ изглȣбленой и выясненой, могȣ Госпожȣ смѣло оудостовѣрити, що ей сынъ не есть и не бȣдетъ никогда сȣхотникомъ."

„А такъ не завелась я въ моихъ надеждахъ!" — воскликнȣла графиня съ неизреченнымъ торжествȣющимъ голосомъ — „такъ сынъ мой пережїетъ двадцать четвертый годъ и повернетъ снова до здоровя и веселости?"

„Предовсемъ не торжествȣймо напередъ Гжо графине!" — перервалъ лѣкарь, замѣтивши веселость матери и принимаючи всю флегмȣ и повагȣ своего становища. — „Всѣ признаки сȣть совсемъ задоволяющими. Тое що Гжа графиня мнѣ теперь изволила оповѣсти, не меньше и тое що я самъ вчера при моемъ прїѣздѣ заȣважалъ, подтверждаетъ мою надеждȣ. Госпожа выпосажена съ природы крѣпкою бȣдовою тѣла и черствымъ здоровьемъ а Господь Богъ яко милосердный опѣкȣнъ сиротъ перенесъ и на твоего сына. Хоробы родовыи сȣть по большой части частыми. Однако имѣемъ примѣры, що родина отъ колькохъ поколѣнь на однȣ и тȣю самȣю слабость недȣгȣющая, совсемъ исцѣляется смѣшанїемъ новою и здоровою кровїю. Такимъ образомъ и Госпожа весьма благополȣчно влїяла на родъ Дрȣжевскихъ, и спасла его на всегда отъ оужасной хоробы родовой. Но не предаваймося еще злȣдной надеждѣ. Сынови оугрожаетъ съ иной стороны грознѣйшая опасность. Оумыслъ его одною и тою самою мыслею занятый, одною и тою самою обавою исполненный, можетъ наконецъ оупасти подъ влїянїемъ злополȣчныхъ страданїй. Сынъ съ временемъ можетъ потрадати розȣмъ и иная страшна хорова постигнȣти его! . . . ."

„Ахъ милосердїя, милосердїя!" проговорила графиня голосомъ такъ разительнымъ, що казалось происходилъ! отъ оумираючой невѣсти — „Сȣмашествїе и смерть по долгихъ страданїяхъ! такаяжь оучасть должна быти моего сына!"

„Есть то ино опасность бȣдȣщности Гжо графине, которой нȣжно не теряючи времени сейчасъ зарадити и запобѣчи" — возразилъ лѣкарь позорно принимаючи видъ стȣденый и сȣпокойный. — „Предовсемъ нȣжно намъ о тое старатись, абы моло-

та, почтенїє длѧ иныхъ, обокъ оупованїѧ въ собственныи власности. Єсть то первый шагъ къ чꙋвствамъ величественнымъ; и длѧ того таѧ добродѣтель въ обохъ полахъ дорогимъ єсть сокровищемъ. Она прїꙋкрашаетъ кꙋпно физическꙋю ꙗкъ и моральнꙋю красотꙋ; она сама охранѧетъ насъ, абы мы въ никѣмъ собственной любви не пренебрегали; она сама почтенїє къ даровитымъ лицамъ внꙋшаетъ, она сама оуста зависти затворити съꙋмѣетъ; словомъ, тꙋю добродѣтель можна сровнати съ збрꙋєю, котора сокрываючи тѣло кꙋпно сохранѧетъ и оукрашаетъ єго. (п. с.)

ДОПИСЬ

— Зъ подъ Львова —

Не множко тому назадъ писали Газеты, що Русиновъ нѣтъ на свѣтѣ. Мало по малу выбили мы имъ тую небылицю зъ головы и пересвѣдчили ихъ, що Русины существуютъ и они начали даже нѣкіи извѣстія въ своихъ письмахъ о насъ подавати. Недостигнувши первой своей цѣли т. е. пресвѣдченія Европы о несуществованю Русиновъ, взялись они за другое средство а тымъ средствомъ избрали собѣ представляти насъ яко необразованныхъ, непросвѣщенныхъ и недостойныхъ самостоятельной жизни литературной по при иныхъ народахъ великой державы Австрійской. Давалися чути и благосклонніи намъ голосы, которыи вступилися за нами и боронили противъ напастей ненавистныхъ и извиняли насъ, за що да пріймутъ нашое искренное благодареніе!

Такіи и тимъ подобніи науки подавано намъ, въ такомъ свѣтлѣ представляно насъ предъ Европою. Выступавшіи въ оборонѣ нашого народа и литературы опровергали тіи ложніи мнѣнія и изъясняли худое состояніе народной жизни и литературы тѣмъ, що Русины пригнетены вліяніемъ соплеменного народа не были въ состоянію образовати языкъ свой и улегли майже не совсѣмъ господствованію чужого языка. Но съ отрожденіемъ Австріи, вселаскавѣйшій Монархъ нашъ помиловалъ и вѣрныхъ своихъ Русиновъ и отеческою своею рукою вспомоществуетъ къ поднесенію народной жизни, къ просвѣщенію народа и улучшенію его матеріального состоянія. Въ нашіи руки далъ Онъ многіи средства и препоручилъ будущую судьбу народа. Велика отвѣчательность ожидаетъ насъ, если сему высочайшому препорученію совѣстно не удовлетворимъ!

Но якже горестно каждому народолюбцеви узнати, що въ насъ нѣтъ истинной отечественной любви, нѣтъ того высшого понятія собственного блага, нѣтъ любви къ родному слову, нѣтъ ревности къ поднесенію литературы, словомъ водворилось у насъ пренебреженіе себе самыхъ и чести народной. Довольно уже писали о насъ и еще пишутъ, що мы лѣнивы, недбалы о свое собственное добро; довольно намъ уже и соплеменники нашіи Славяне - Чехи высказали нашую беззаботность, пренебреженіе и оспалость — а сказали правду и сожалѣютъ надъ нами! А мы що на тое? Отвѣтъ не трудный. . . . Съ начала взялись за дѣло и казалось що успѣемъ въ томъ величественномъ званію съискати славу для народа, а честь для себе у прочихъ Славянъ. Но судьба руского народа дивна. Пословиця говоритъ, що Русинъ твердый. Ой велика правда; есть онъ твердшимъ отъ твердѣйшого мрамора, и великой силы нужно, дабы розогрѣти въ немъ жаръ, дабы всякимъ препятствіямъ бодро противостояти возмогъ и ихъ мужественно побѣдилъ. Якъ мгновенно вержена искра пробужденія народного розжарилась была въ яркій пламень; такъ теперь оцѣпенѣли мы якою-то сиберійскою стужею, сокрыли лице якъ бы предъ ужасною якою метелицею. Ахъ не есть то любовь отечества, но огидное измѣнничество! Потомство будетъ осуждати насъ въ нашихъ дѣланіяхъ, будетъ скорбѣти и . . . . проклинати нашое лѣнивство! Не есть то соромомъ для народа трехмиліонового, щобы онъ не былъ въ силахъ удерживати нѣсколько повременныхъ науковыхъ часописей? Появлялися они въ правдѣ въ розличныхъ видахъ и яко тако якъ въ первоначатцѣ оказывались полезными письмами Но долго существовали они? Очень дуже коротко. Казалось бы, що народъ рускій не имѣетъ доступити просвѣщенія высшого, не имѣетъ духа къ принятію оного. Но надобно его извинити въ семъ дѣлѣ. Онъ отдался въ покровительство своихъ проводителей, своихъ учи-

телей. На насъ про тое вложилъ святую обязанность подавати ему пищу духовну, просвѣтити его и наводити на правый путь.

Правда суть у насъ благородніи мужи, правдивіи любители народа, которіи всѣмъ пожертвовати готовы въ добро народное, которыи и примѣромъ и дѣломъ заохочуютъ иныхъ — но сколь маленькое число обрѣтается тыхъ благородныхъ мужей напротивъ сему большинству, которое въ своемъ ничтожествѣ не дѣлаетъ но еще и другихъ своимъ лѣнивствомъ заражаетъ якъ сего довольно имѣемъ примѣровъ. Ахъ братя! жалко глядѣти на таково нашое состояніе. Стыдъ показатись передъ свѣтомъ, що мы не умѣемъ согласно дѣлати и крѣпитися, не имѣемъ отвѣтного средоточія где бы мо могли нашіи мысли розвивати и сообщати. Роздробляемъ и такъ скудніи силы наши духовныи и даемъ не одному таланту загибати. Подумаймо щиро и застановѣмся надъ нашою литературою, подаваймо до общой вѣдомости будь Зорою будь Вѣстникомъ гадки, якими бы могло усуществитися тое многоважное предпріятіе — время улетаетъ поспѣшно а мы майже еще всегда на одномъ мѣстцѣ. Надежда въ Бозѣ — но намъ нужно охочо принятись за дѣло а Богъ поблагословитъ оное! К.

ЛИТЕРАТУРНЫ ИЗВѢСТІЯ.

— „Пражскіи Новины" возвѣщаютъ, що чешскіи писатели а особенно молодшіи искренно занимаются литературными сочиненіями. И такъ нѣкій молодый чешскій поетъ написалъ историческую драмму подъ заглавіемъ „Искра зъ Брандыса" которая небавомъ опуститъ печатню. — Сочинитель „Бретислава," который также перевелъ на чешскій языкъ Гоголева сочиненія „Тарасъ-Бульба" составилъ драмму подъ заглавіемъ; Ростиславъ и Святоплукъ" которой предметъ взялъ зъ давнѣйшой моравской исторіи. Даже женщины взялись до литературы и нѣкая Госпожа Немцова издала нѣсколько занимательныхъ сочиненій, между которыми отличаются: „Собраніе словяцкихъ народныхъ приповѣдокъ" и „Переводъ сербскихъ проповѣдокъ Вука Стефановича Караджича" наконецъ „Собраніе образцевъ зъ Пражского народного житья."

ВСЯЧИНА.

— Кажется що россійскіи жены найплоднѣйшіи на свѣтѣ. Въ г. 1853 былъ представленъ Царицѣ нѣкій селянинъ Крыловъ съ второю своею женою, котору посваталъ уже въ 70 году жизни. Первая жена породила 57 дѣтей и то 4 разы по четверо, 7 разы по трее а 10 разы по двое дѣтей. Всѣ тіи дѣти живы остали. Вторая жена породила первый разъ трое а шесть разы по двое дѣтей и тіи осталось въ живыхъ. Такъ сей отецъ имѣлъ отъ двохъ женъ 72 живыхъ дѣтей! —

— О пальныхъ корабляхъ. Въ время войны Грековъ съ Турками 1820 года употребляли послѣдніи къ разоренію непріятельскихъ кораблей, такъ называеміи пальніи корабли. Суть они наполнены вещами, которіи скоро запаляются яко: порохомъ, сѣркою, смолою и проч. а линвы и мачты, обвиты скрутнею омачаною въ салѣтрѣ, камфорѣ, лянномъ и винномъ олѣю, и спиритусѣ, и проч. Между покладомъ дольнымъ а горнымъ ажъ до линвъ и мачтъ порозставляни драбины тымъ самымъ способомъ обкручены, абы огонь наразъ всѣ части корабля обнялъ; въ серединѣ корабля прикрѣплены суть рынвы, которыи такожь ведутъ поломень до всѣхъ частей а одна котора съ всѣми имѣетъ комуникацію, стикается съ однимъ окномъ корабля. Внѣ корабля есть руштованье у оконъ. На томъ стаетъ Капитанъ и зажигаетъ корабль, а потому скачетъ до поблизкого челна, на которомъ находятся майтки. Капитанъ вообще одинъ зъ найопытнѣйшихъ моряковъ уважаетъ передъ западомъ солнца непріятельскій корабель который хочетъ подпалити, а въ ночи ведетъ свой пальный корабль на непріятеля. Когда передная часть корабля зачепитъ мачты корабля непріятельского, и коли огонь досягнетъ его. капитанъ съ осадою своею плыветъ въ челнахъ до другого корабля, который его ожидалъ въ невеликой отдаленности. —

Тупомъ Института Ставропигіанского. Редакторъ Николай Савчиньскій.